

В Собр. соч. (1965—1967, т. 1, стр. 438) напечатано по тому же сборнику, но без учета последующей правки.

9. Ив. Б у н и н. Избранные стихи. Париж, 1929; экземпляр с авторской правкой Бунина, сделанной в начале 1950-х годов (ИМЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 67).

К этому стихотворению Бунин возвращался неоднократно. В первой редакции (альманах «Окно», кн. 1, Париж, 1923) оно состояло из четырех строф. Печатаемая «Сириус» в сб. «Избранные стихи» (Париж, 1929), Бунин исключил вторую строфу:

Где молодость, простая, чистая,
В кругу любимом и родном,
И ветхий дом, и ель смолистая
Среди сугробов за окном?

В этой редакции (из трех строф) стихотворение вошло в Собр. соч. 1934—1936 и в Собр. соч. 1965—1967, т. 8, стр. 13; первую редакцию см. там же — стр. 425. Возвратившись к нему в конце жизни, Бунин зачеркнул вторую строфу («Где вы, скитания полночные...») и заменил ее отвергнутыми некогда строками, несколько их изменив.

10. Парижский архив Бунина. Опубликовано в 1953 г. в Нью-Йорке, с примечанием редакции: «Это стихотворение — новый вариант старого стихотворения И. А. Бунина». Печатается по этой публикации.

В Собр. соч. 1965—1967 (т. 1, стр. 376) напечатано по тексту Собр. соч. 1934—1936 (т. VI), где оно опубликовано без заглавия, имеет ряд разночтений с последней редакцией и дату «13.IX.15».

11. Ив. Б у н и н. Весной в Иудее. — Роза Иерихона <1952>, автограф: ИМЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 12.

Впервые в этой редакции «Август» был опубликован в сб. «Эпоха» (СПб., 1918), затем в книге: Иван Б у н и н. Роза Иерихона. Берлин, 1924. Позднее Бунин отказался от названия, отбросил две завершающие строфы и в таком виде включил его в свой сборник «Избранные стихи». Париж, 1929. В этой редакции стихотворение напечатано в Собр. соч. 1965—1967 (т. 1, стр. 441; завершающие строфы включены в отдел «Из ранних редакций» — стр. 499). В 1952 г. Бунин восстановил первоначальный текст, включив «Август» в состав рукописи своего последнего сборника, что дает право считать первоначальную редакцию вместе с тем и окончательной. В печатный текст сборника (Нью-Йорк, 1953) «Август» не вошел.

ПЕРЕВОДЫ

С А Н Г Л И Й С К О Г О

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

1

Я видал твои слезы. Осталась
На очах твоих светлых одна;
Как роса на фиалке, качалась
И дрожала тихонько она.

Я видал и улыбку. Не смели
И сапфиры равняться бы с ней
И с лучами, что ярко блестели
На лазури прекрасных очей.

Как на туче блестя омраченной,
Солнце розовый цвет ей дает,
Так улыбка душе огорченной
И отраду и счастье прольет.

2

«ДУША МОЯ ПЕЧАЛЬНА»

Спеши, певец, скорее арфу взять:
 Печаль в душе моей бунтует!
 Пускай могучие аккорды зазвучат
 И слух мой очаруют!
 Коль в сердце спит надежда — то от сна
 Восторги музыки ее пробудят,
 Коль есть в очах слеза — то упадет она —
 И мне отрадней будет.

Но грусти песнь, певец, пусть зазвучит,
 Нельзя мне веселиться,
 Мне надо слез,— душа моя болит,
 Она готова раздробиться;
 Она сносила долго тяжкий гнет
 И мучилась в молчаньи...

⟨1886⟩

ТОМАС МУР

⟨ИЗ ПОЭМЫ «ЛАЛЛА-РУК»⟩

На земле, меж богатствами мира,
 Нет богаче долины Кашмира,
 Нет роскошней нигде красоты.
 Там леса ароматами полны,
 Там струятся священные волны,
 Круглый год расцветают цветы.

Если солнце, прощаясь с землею,
 Догорает вечерней порою,—
 Вся долина объята зарей
 И, в зеркальных водах отражаясь,
 Как невеста в цветы наряжаясь,
 Ослепляет своей красотой.

Сквозь душистую зелень огнями
 Блещет храм освещенный, и в храме
 Баядерки поют, позабыв
 В быстрой пляске все радости света,
 И звучит с высоты минарета
 Монотонный вечерний призыв...

А когда и дворцы, и мечети
 Тонут в лунном серебряном свете,
 Как торжественно станет кругом!
 Как заискрятся волны каскада,
 Как таинственно шум водопада
 Раздается в затишьи ночном!

По садам, где над светлой рекою
 Спят чинары густою толпою,
 Где поет до зари соловей,—

БУНИН

Фотография. Москва, 1912

С царственной надписью: «Дорогому

Н. М. Мешкову Ив. Бунин.

4 ноября 12 г.»

Литературный музей, Москва

Назначаются тайные встречи,
И веселые юные речи
Слышны в сумраке тихих аллей.

Но едва заблестит перламутром
Над долиною раннее утро,
Покидая покров свой ночной,
В новом блеске проснется природа:
Золотятся дворцы и паго́ды,
Зеленеют сады над рекой.

Теплый ветер чинары колышет,
И все негою, радостью дышит,
Все в сиянии солнца блестит
И про славу, и благость пророка,
Про священные страны востока,
Про счастливый Кашмир говорит!

<1887—1891>

ФЕЛИЦИЯ ГИМЕНС

Убаюкай меня, дорогая моя,
Как в былые года, убаюкай меня!
Как в былые года, ты опять перед сном
Успокой и утешь, осеняя крестом!..

После долгого дня и дневной суеты
По ночам в тишине засыпают цветы,
Отдыхает и путник под кровом друзей...
Успокой и меня, убаюкай скорей!..

И зачем мне пришлось опять полюбить?
И зачем милый образ нельзя позабыть?...
Тяжела ты мне, жизнь молодая моя!..
Ах, баюкай, родная, баюкай меня!..

⟨1887—1891⟩

ТОМАС ГУД

ПЕСНЯ РАБОТНИКА

Давайте заступ, грабли, лом,
Заставьте ниву жать серпом,
Вот руки вам: и в сад, и в поле —
Я всюду с радостью пойду,
Я приучил себя к труду
В его тяжелой долгой школе.

Плетень заплесть, канавы рыть,
Свалить в стога сухое сено,
Принести тяжелое полено
И наколоть и нарубить —
Я все готов, и на работе
Со мной огнива не найдете:

Я не сожгу вас; я не враг...
Я рад бы только свой очаг
Зажечь, чтоб в сумрак дней холодных
Согреть детей своих голодных,
Согреть их, слабеньких и хилых,
Чтоб в зимний вечер камелек
На бледных щечках, в глазках милых
Разлил веселый огонек...

Не я, а тот, кто наши нивы
И иссушает, и живит,
Кто тиной в внешние разливы
Долины наши затопит,—
Пусть он стрелу грозы направит
На кровлю скряги, в барский лес —
И в красном зареве небес
Свой гнев карающий проявит!

Давайте заступ, грабли, лом,
Заставьте ниву жать серпом,
Не бойтесь тружеников бедных:
Давайте только нам труда,—
Я вашей дичи никогда

Не трону в рощах заповедных;
Я не вломлюсь, как вор ночной,
К его сиятельству в покой
Из-за корысти и из лени;
Не буду ваших егерей
Душить во рву из-за грошей,
Не трону графского оленя...

Я не хочу мирского хлеба,
Билета нищих и калек;
Я сын земли, я человек,
Рожден и я под этим небом!
Я буду требовать везде
Себе дневного пропитанья,
Труда, участия в труде,
А не людского подаянья!..

Мне, люди, так же как и вам,
Был прародителем Адам,
Хоть только случаем рожденья
Я обречен на все лишенья
И рад, когда в семье своей
Могу немного посвободней
Вздыхнуть по милости господней,
А не по милости людей.

Давайте заступ, грабли, лом,
Заставьте ниву жать серпом,
Давайте кирку и лопату —
На все готов и силен я,
И горе тем, кто у меня
Отнимет трудовую плату,

Кто беднякам дает расчет,
За все штрафуя бессердечно,
А после в кружку грош кладет,
На тех, кого он грабит вечно...
Ведь этот шиллинг роковой
Найдет меня же — у могилы,
Когда не станет больше силы,—
Или в тюрьме, или с сумой!

<1893>

СИТАЛЬЯНСКОГО

АДА НЕГРИ

О, умчи меня ввысь, в беспредельный простор,
В царство вечных снегов, царство блещущих гор,
Где на мощных крылах, на звенящих крылах,
Утопает орел в небесах,—

Вдаль от пошлой земли, от дневной суеты,
От людей, от толпы — в светлый мир красоты,
Где мой крест роковой, крест, гнетущий меня,
Хоть на миг позабыла бы я!

О, скорее туда! Чтоб любить я могла,—
Как весенний рассвет, и чиста, и светла,—
Горный ветер вдыхать и, безумно любя,

Очаровывать лаской тебя!

Здесь холодный туман мое сердце гнетет,
Умирают мечты средь печальных болот...

Там хочу я любить, где холодный гранит,

Где безмолвная вечность царит.

<Ноябрь 1896 г.>

С НЕМЕЦКОГО

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

АЛЬПИЙСКИЙ ОХОТНИК

«Хочешь, пасть овечек в поле?
Овца ласкова, смирна,
Беззаботная на воле
Травкой кормится она?!»
— Нет, мать, лучше с самострелом
Я пушусь в горы смело!

«А не хочешь ли, играя,
Созывать стада рожком?
Чудно, весело лесная
Песнь сливается с звонком!»
— Нет, бродить среди камней
Отпусти меня скорей!

«А цветочки на куртинах
Собирать не хочешь ты?
На суровых на вершинах
Не красуются цветы!»
— Бог с цветами! Пусти, мать,
В горы дикие гулять!

И охотиться пустился
Мальчик в горы. По скалам
Он без отдыха стремился
К мрачным горным высотам.
Вот, как ветер, пред глазами
Мчится серна крутизнами.

Легко прыгает, мелькая
По ребрам камней, она,
Бег отважный направляя
Через трещины без дна.
Но отважно, скор и смел
Он за ней с стрелой летел.

Вот уж скалы исчезают,
И теряется стезя.
Над обрывом повисает,
Ей бежать уже нельзя;
Впереди обвал в горах,
А за нею близкий враг.

Немым взглядом она просит
Человека пощадить;
Но он руку уж заносит,
Тетиву чтобы спустить.
Вдруг из трещины меж скал
Старец, горный дух, восстал.

И он грозно защищает
Серну слабую рукой;

«Для чего ты,— восклицает,—
Смерть несешь сюда с собой?
Вам ли мести еще надо?
Что ж ты гонишь мое стадо?!»

17 сентября 1886 г.

НАЧАЛО НОВОГО ВЕКА

Верный друг! Где светлая свобода?
Где покой убежище найдет?
Век протекший кончился невзгодой,
Новый век с собою смерть несет.

Порвался союз народов мирный,
Формы прежние теперь сокрушены.
Ни океан, ни Рейн, ни Нил обширный
Не смирили бешенства войны ¹.

Два могучие народа спорят меж собою
О владычестве над миром и хотят
Они, двигая трезубцем и грозой,
Всех других племен свободу заковать.

Все должны нести им свое злато;
Всё несут покорные, и вот
Франк, как древле Бренн, клинок булата
На весы правдивости кладет ².

Как полил могучий, простирает
Жадный Бритт повсюду корабли,
Все моря он замыкать мечтает,
Как замкнул владения свои.

До безвестных звезд набеги простирая,
Он до полюсов бестрепетно идет,
Острова, побережья на пути хватая,
Все никак нигде он рая не найдет.

Мореходцы мир едва измерят бесконечный,
Беспредельно он лежит перед тобой,
Но на всем пространстве не найдешь, конечно,
Десяти обласканных судьбой.

От волнений света ты в уединенье
Сердца должен поскорей бежать!
Радость может жить лишь в мире Сновидений,
Красота же в песнях процветать!

<1886>

ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто едет так поздно под ветром ночным
Отец опоздалый то с сыном своим.
Заботливо держит его он впотьмах
И греет, обнявши малютку, в руках.

«Что прячешь ты, сын мой, лицо все ко мне?»
 «О! разве не видишь, отец, в темноте
 С бородой и в короне лесного царя?»
 «То видны полосы тумана, дитя!»

«Мой милый ребенок, пойдем-ка со мной!
 Я буду резвиться сам в играх с тобой;
 Много пестрых цветов на берегу у меня,
 Много есть и одежд золотых для тебя».

«Отец мой, отец мой! ты слышишь, что мне
 Лесной обещает в ночной тишине?»
 «Не тревожься, покоен будь, милый мой сын,
 То ветер гуляет меж листьев один».

«Если, милый ребенок, пойдешь ты со мной,
 Мои дочери будут ходить за тобой,
 В ночных хороводах с тобою плясать
 И пением сны на тебя навевать!»

«Отец мой, отец мой, ты видишь ли там
 Лесного царя дочерей по кустам?»
 «Дитя дорогое, мне ясно на взгляд:
 То ветви на ивах на старых висят!»

«Дитя дорогое, тебя я люблю
 И силою в царство свое я возьму!»
 «Отец мой, отец! уж царь близко!.. он вот...
 Меня уж схватил он... в объятья берет!»

Отец погоняет, он скачет быстрее;
 Ребенок все стонет сильнее и сильнее!
 Когда ж, наконец, он домчался домой,
 Ребенок покинул мир тесный, земной!

<1886 г.>

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

ДЕТСТВО

Нас было, дитя мое, двое;
 Нам весело было вдвоем...
 Бывало, залезем в курятник
 И там под соломой сидим...

Мы там по-петушьи кричали,
 Запратавшись в старом ларе,
 И все говорили, что точно
 Кричат петухи на дворе.

Мы всячески ларь украшали
 Его убрали кругом...
 И долго все вместе прожили
 Богато и весело в нём.

Соседская старая кошка
Нередко являлась туда,
И ей говоря комплименты,
Мы делали книксы всегда.

Расспросим всегда о здоровье,
И часто, бывало, на двор
Другие соседские кошки
К нам в гости ходили с тех пор.

Мы часто, как старые люди,
Сидели, жалея о том,
Как хуже все стало на свете
И все изменилось кругом;

Что дружба из мира исчезла,
Исчезла почти что везде,
Что ныне любви неизменной
Не сыщешь, быть может, нигде;

Что редко так золото стало,
Что стало дороже житье...
Промчались детские игры
И с ними промчалось все!..

⟨1889⟩

С П Е Р С И Д С К О Г О

СААДИ

⟨ИЗ ПОЭМЫ «БУСТАН»⟩

⟨1⟩

ЧЕРЕП

Над Тигром жил отшельник. Древний череп
Нашел он на побережьи. И услышал
От черепа: «На мне была тиара,
Я покори́л Ирак, алкал Кермана,—
И вот, увы, сам выеден червями».

⟨2⟩

Раз в серебро преобразился камень
В руках анахорета. Но когда
Ты предан воле промысла всецело,
И серебро, и камень — одноценны.
Итак, ступай и возвести дервишам,
Угодникам султана: «сам султан
Беднее их: дервиш доволен драхмой,
А он, султан, и царством недоволен,
Поистине, не падишах, а нищий,
Свободный от забот, есть падишах».

Дамаск. Весна 1907 г.

ПЕРСИДСКАЯ МУДРОСТЬ

<1>

Лисицу спросили: «Куда ты так быстро бежишь?»
— «Погоня за пьяным верблюдом!» — сказала лисица.
«Но ты-то причем тут?» — «Э, полно, поэт, а враги?
Попробуй кричать, называя лисицу верблюдом,
И все закричат, что лисица — верблюд, и убьют!»

<2>

Болтун и невежда иша́ка учил говорить.
— Болтун и невежда! учись у иша́ка молчанью.

<3>

Один астролог, возвратившись домой, захватил
Измену жены и к судье потащил, задыхаясь.
«Вот видишь,— сказал астрологу судья,— ты не знал,
Что делалось дома, а хвалишься знанием неба!»

<4>

Пришел человек на могилу врага своего и сказал:
«Я счастлив, я жив, я владею твоею женою!»
Тут, сдвинув плиту, он в могилу взглянул и на дне
Увидел соперника: череп, набитый землею,
В котором когда-то сияли, как солнце, глаза,
И голые ребра, покрытые гнилью и гнусом.
Заплакав в тоске, человек написал на плите:
«Не радуйся смерти врага,— не долга твоя радость!»

<5>

Стенал человек, изнемогший в пути: «Я устал.
Несчастней меня никого не видала пустыня!»
От кладбища осев, по дороге осел проходил:
«Безумец! — сказал он,— зачем на судьбу ты клеветешь?
Конечно, приятно сидеть на осле, но хвали
Творца и за то, что тебя не ослом сотворил он».

<6>

Богач обеднел до того, что ходил босиком,
И плакал от злобы, как вдруг повстречался с безногим.
Ах, если б вы знали, как плакал от радости он!

<7>

Твой критик сидит и тебя стережет за углом.
Лишенный достоинств, он жаждет чужих недостатков.
Базарным собакам несносны борзые. Голыш
Алмазы дробит с наслаждением.

ДАМАСК

Открытка, отправленная Буниным З. И. Гржебину 7 мая 1907 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

<8>

Схвативши огромный сааз и нахально ударив по нем,
Бездарный уверил толпу, что он — музыкант — и огромный!

<9>

Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, то будь
Стволом кипариса, прямым и простым — благородным.

Трапезунд — Стамбул
Июнь 1913 г.

С ПОЛЬСКОГО

АДАМ МИЦКЕВИЧ

НА НОВЫЙ ГОД

(Мотив А. Мицкевича)

Как новый феникс крылья распускает —
Из пепла старого уж новый год встает
И целый мир его с надеждами встречает,
С мечтами радужными ждет...

Но что же мне с собой он посылает?
Мне пожелать чего на Новый год?

Минут веселия, быть может?.. О, я знаю,
Я видел молнии радости земной —
Отверзши небеса и землю озаряя,
Они влекут всегда к ним воспарить душой...

Но тухнут молнии... И снова ночь немая
Закроет очи нам холодной темнотой.

Любви?.. И счастье, и райские виденья
Рисует нам она, горячка юных дней,
Мы в платоническом и гордом упоенье
Становимся тогда бодрее и сильней...

Но время все берет — с небес, без сожаленья,
Свергает нас в юдоль печали и скорбей.

Я жил, любил, мечтами увлекался,
Далеко от земли меня мой сон унес,
На розы райские во сне я любовался,
Но лишь шипы достались мне от роз...

И больно мне, и сон мой миновался...
Нет, не хочу любви и не хочу я грез!

Но, может, дружба? — Сердце молодое
Богинь прекрасных много создает,
Но самой юною и свежей красотой
Богиня дружбы на земле цветет, —

Друзья счастливые живут одной душою,
Как жизнью одной все дерево живет.

Но если гром ударит над землею
И гнется дерево от бури каждый миг,
Как ветка каждая, под темною грозой,
Трепещет за себя и за других!

Нет, к дружбе я остыл! Я снова не открою
В душе моей родник для чувств ее святых.

Чего же мне желать? Что радостью спокойной
Все примирит в душе измученной моей? —
— Дубовая постель, приют уединенный
В земле сырой, далеко от людей,

Где не тревожит день, сияющий и знойный,
Ни смех врагов, ни жалобы друзей!..

И до поры, пока дни счастья и невзгоды
Проходят над землей в лазурной вышине,
Как промечтал я в молодые годы, —
Хотел бы я мечтать в глубоком, вечном сне, —

Любить весь мир, всю красоту природы,
Но от людей вдали, в могильной тишине!

АДАМ АСНЫК

Безмолвно мы простилися с тобою,
Скрыл я скорбь в душевной глубине,
И скорбь жива, но сердца нет со мною:
Оно с тобой — в далекой стороне.

Ты там теперь под кровлею родною
И соловьям внимаешь по весне,
А я один с безмолвною тоскою,
Один, в глуши... И нет возврата мне.

Моя любовь угаснет без ответа...
Но все ж я рад, что ясного рассвета,
Что грез твоих не буду омрачать:

Улыбкой жизнь сияет пред тобою,
А я прощаюсь с гаснущей зарею,
Иду во тьму — и не вернусь опять.

⟨1894—1901⟩

С ТАТАРСКОГО

ИЗ ПЕСЕН КАЗАНСКИХ ТАТАР

I

Не за Белой ли рекою,
О, беляночка моя! —
Не за Белой ли рекою
Слышны песни соловья?..
Все тебе бы рассказал я,
Много сказок прежних дней,
Если б только испытал я
Сладость нежности твоей!..

II

Моя беленькая девушка,
Мы пойдем гулять вдвоем!
Пусть глядят и удивляются —
Мы пойдем гулять вдвоем!
Моя беленькая девушка,
В позументе воротник!
Ведь у всех разумных девушек
В позументе воротник...

III

Не поют ли соловьи
В чаще темной и густой?..
Друг любимый, дорогой,
Я страдаю от любви!
Теплым гнездышком в лесу
Соловьи обзавелись...
Только нам уж никогда
В этом мире не сойтись!..

IV

Говорят, что вся клубника
 Белым цветом зацвела,
 Говорят, что так же точно
 Грудь у девушек бела...
 Аршин белых позументов
 К рукавам и на подол —
 Я боюсь, что это много,
 Слишком много за камзол!

⟨1887—1891⟩

С УКРАИНСКОГО

В. ЧАЙЧЕНКО

Воет буря, хлещут волны,
 Жизнь и смерть — во власти волн...
 Ты же в даль, к заветной цели,
 Направляй спокойно челн!

Светит солнце, манит душу
 Отчий дом, родимый край...
 Ты же в даль, к заветной цели,
 Челн спокойно направляй!

⟨1896⟩

С ФРАНЦУЗСКОГО

АЛЬФОНС ЛАМАРТИН

УМИРАЮЩИЙ ХРИСТИАНИН

Что слышу я? Вокруг меня металла звон!
 Какой толпы благочестивой слышу стон?
 О ком несется погребальных гимнов пенье?
 И этот бледный факел для кого? О! Смерть! мой слух
 Ты поражаешь; но не смерть встречает дух,
 Но жизни пробужденье!

Огня святого искра драгоценная,
 Ты, гостя тела брэнного, нетленная,
 Рассей свой страх! Тебе несет свободу смерть.
 Лети, душа, спеши же цепи разорвать!
 Людских несчастий бремя с плеч навеки снять —
 Ужели в этом смерть?

Уж время кончило часы мои считать...
 Гонцы с небес, где будете меня встречать?
 В какой теперь введете новый вы чертог?..
 Мне мнится: плаваю по волнам света я,
 Растет пространство предо мною, и земля
 Бежит уж из-под ног!..

«ИЗ В. ЧАЙЧЕНКО

Перевод стихотворения В. Чайченко
(псевдоним В. Д. Гринченко)

Первая публикация

Страница из сборника
«Под открытым небом» (М., 1898)

Но что же слышу я? В то время, как мой дух
Проснулся, плач и страшный вопль терзает слух!..
Сопутники изгнания! Вот вы теперь
Все плачете!.. к чему? Душа вкусила
Из чаши жизненной напитку, зло забыла,
В небесную вступает дверь!

<1886>

ШАРЛЬ ЛЕКОНТ де ЛИЛЬ

ВОЗМЕЗДИЕ

(Le Talion. «Poèmes tragiques» Л. де Лиля)

Ужели это сон? — Какой ужасный сон!
О, эти мертвецы! Несметными толпами,
С горящими огнем, недвижными очами
Из глубины могил восстал их легион,
Вращая дикими зрачками.

Иезекииль Пророк! Не так же ль твой глагол
Пресекло ужасом виденье роковое,
Когда они текли, покинувши Хеол,
Когда они, кружась, спускались в страшный Дол,
К гробницам древнего покоя?..

В цепях я видел их... И дыбом поднялись
Все волосы мои при Голосе могучем...
Его слова с небес грохочущих неслись,
Из глубины небес, где молнии вились
По содрогающимся тучам.

И Голос говорил: безумные Князья!
Вы, волки жадные, коварные и злые!
Века своим путем к вам приближаюсь я,
Теперь я недалек... И я сломя, шутя,
Голодных ртов клыки стальные!

День гнева моего — он вспыхнул наконец!
Я жажду утолю — мои оковы сняты...
Я, как поток, ворвусь в палаты и дворец,
Смертельный яд, огонь, веревки и свинец —
Вот все орудия расплаты!

Нет времени теперь стенаньям и мольбам,
Содеянных грехов ничто не умаляет,
Жестокие сердца я вырываю вам,
Рать мертвецов к моим всевидящим очам
Народ из гроба подымает.

Уж под парчой теперь вам не лежать в земле,
В могилах вековых, где предки обитают,
Где строгий сон царил в прохладной полумгле,
Не спать с мечом в руке, с венками на челе,
Как доблестные почивают!

Нет, стая тесная разгневанных орлов
Наестся досыта нечистым вашим телом,
В лохмотья изорвет на тысячи кусков,
И, озираясь, псы потащут их с холмов
В овраги — радостно и смело.

Я сотворю сие, я, судия живой!
Все ваше прошлое передо мной воскресло:
Средь воплей и молитв, звучавших над землей,
Для новых гнусных дел вы с каждою зарей
Вновь опоясывали чресла.

И кровь рекой лилась, и долгий ряд веков
На ваших площадях замученные люди
От женщин и детей до дряхлых стариков,
Как мясо свежее на лавках мясников,
Лежали, сваленные в гряде.

Но час настал, пора! Пылай, о факел мой,
Зубами скрежещи, о Ненависть и Злоба,
Возмездие! Скорей свой яркий флаг раскрой,
Замолкни, крик тоски, предсмертный и глухой
Перед отверстой дверью гроба!

Пуškai они хрипят под горами домов,
А вы, погибшие, вы, жертвы истязаний,
Вы их преследуйте проклятием грехов,
Чтоб черный мрак дрожал от зарева костров,
От ваших лютых завываний!

〈Начало 1890-х годов〉

АЛЬБАТРОС

Взывает и мычит разгневанный Борей
 В безбрежных областях полуночных морей;
 Он скачет по волнам — и океан белеет
 От бешеной слюны... Он в ярости пьянеет,
 Когда, настигнув их, когтями дико рвет,
 Когда над бездною холодно-бледных вод
 Хватает тучи в пасть и мечет без пощады,
 И молний судорги сжимают их громады...
 Он кружит и вертит в тумане водяном
 И перья птиц, и крик в смятении роковом
 И кашалотов лбы волнами оглушая,
 Чудовищный их вопль он дразнит, завывая!..
 Один он, — царь пространств, пернатый царь морей,
 Уверенно идет на грозный шквал зыбей
 И, не сводя очей, так гордо устремленных
 На синеву и мрак туманов отдаленных,
 Где в хаосе слилась рыдающая мгла, —
 В один железный взмах упругого крыла
 Под гул морской грозы он рассекает тучи,
 Плывет и тонет в них, спокойный и могучий!

〈Начало 1890-х годов〉

УТРО

В прозрачной лазури, где ласточка реет,
 Бессмертными розами утро цветет,
 В аллеях, где листьев сплетается свод,
 Росой благовонной и свежестью веет,
 И каждая птичка в восторге поет,
 Как розами дивными утро цветет
 В прозрачной лазури, где ласточка реет.
 По гладкому щебню живую струей
 Ручей золотистый сочится, сверкая,
 Упругие лилии нежно лаская,
 Прибрежный вереск качая волной,
 И внемлет в молчании лань молодая,
 Как в камешках гладких живую струей
 Ручей золотистый сочится, сверкая.
 Тропинкой, манящей лазурью вдали,
 Где утренний пар над долинами тает,
 Вдоль чащи росистой, где ветер порхает,
 Идут они в отблеске влажной зари,
 И счастье весеннее их увлекает —
 Тропинкой, манящей лазурью вдали,
 Где утренний пар над долинами тает.
 Объятое томным блаженством любви,
 Не чувствует сердце, как быстро мгновенье, —
 Им вечными кажутся их упоенье,
 И утро, и радость небес и земли.
 Манит их к себе неземное виденье,
 Не чувствует сердце, как быстро мгновенье, —
 Охвачено сердце блаженством любви.

В прозрачной лазури, где ласточка реет,
 Бессмертными розами утро цветет.
 Но час недалек: он навеки замрет,
 Их голос в аллеях, где все зеленеет,
 Где каждая птичка в восторге поет,
 Как розами дивными утро цветет
 В прозрачной лазури, где ласточка реет.

⟨1894—1912⟩

ПОЛЬ БУРЖЕ

⟨ЭПИЛОГ⟩

Скоро властной холодной рукой
 Смерть-царица мне очи закроет,
 Скоро в темной могиле сырой
 Мое сердце она успокоит;
 Одного бы я только желал,
 Я б хотел, чтоб уснул я безмолвно —
 На морском берегу, где у скал
 Вечно ропщут холодные волны...

В час, когда налетит ураган
 И под темною ризой ночью
 Будет грозно шуметь океан
 Гулко-плещущей, белой волною,
 Долетит этот шум и ко мне...
 И я вспомню, как в сердце бывало,
 Словно волны в морской глубине,
 Жажда жизни и страсть возрастала...

А когда к безмятежной волне
 Льнет волна, утомясь от движенья,
 Будут сниться лобзания мне
 В их задумчивом, ласковом пенье...
 И пускай на меня навевать
 Тихий сон будут песни былого,
 Чтобы мог я хотя вспоминать
 Дальней юности счастье снова.

⟨1891⟩

У СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ

I

О, нежная заря,— как ласково восходит
 Твой бирюзовый свет из Средиземных вод!
 Как очарованный твой теплый ветер бродит
 По дремлющим садам, цветущим круглый год.
 Ты теплым ветерком, о, голубое утро,
 Лелеешь паруса нежнее, чем весной,
 Косые паруса, что блеском перламутра
 Сияют вдалеке, на синеве морской.
 Ты слабых и больных ласкаешь ароматом,—
 Красавиц бледное, поблекшее чело...

Близка, близка их ночь, но все же пред закатом
 Они глядят на мир с улыбкой и светло.
 Ты упоительно, ты так легко и нежно,
 Что грезятся им вновь несбыточные сны,
 И грустные их дни проходят безмятежно,
 В тени лавровых рощ, под тихий плеск волны.
 Ты, как надежды их, и сладостна, и лжива,
 О зимняя заря благословенных стран!
 Волненья юности, далекой и счастливой,
 Ты навеваешь им, — губительный обман...
 Но им ли проклинать последний миг отрадный,
 Твой роковой обман, бессильною душой,
 Улыбка тихая природы беспощадной,
 Лазурная заря над светлою волной?

<1898>

II

Далеко подо мной остались долины,
 За гребнями лесов, за выступами скал...
 Последний замер звук, последний крик орлиный...
 Свобода мертвая, безумные стремнины...
 — Он не далек, последний перевал!
 Взгляни, он там, в выси, где цепенеют взоры,
 Где обнаженных скал сереет полоса,
 Как мраморных гробниц белеют льдов узоры,
 И льют стеклянный свет на дремлющие воды
 Бледно-зеленые немые небеса.

<1892—1898>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

КОШМАР

Как за горные кручи
 В темно-синий вулкан, —
 За тяжелые тучи
 Скрылось солнце в туман.
 Душный воздух в томленьи
 Зноем тягостным полн,
 Замирает волненье
 Фиолетовых волн.
 Страшно это молчанье,
 Страшен мертвый покой!..
 Или солнце в сияньи
 Не взойдет над землей?
 Иль ничто не потушит
 Предраcсветный пожар?
 Или буря разрушит
 Этот бред и кошмар? —
 Кто ответит заране!..
 — Солнце скрылось в туман,
 И пылает в тумане
 Грозной ночи вулкан...

<Середина 1895 г.>

ПРИМЕЧАНИЯ

С А Н Г Л И Й С К О Г О

Публикуемые переводы из английских поэтов принадлежат к числу самых ранних работ Бунина-переводчика. Почти все они относятся к тому времени, когда Бунин стал специально изучать английский язык для того, чтобы прочесть в подлиннике величайших поэтов Англии («Жизнь Бунина», стр. 49—50). Для своих первых опытов Бунин выбирал вещи, хорошо знакомые ему по русским переводам, в частности по сборнику «Английские поэты в биографиях и образцах» (Сост. Н. В. Гербель. СПб., 1875), который был одной из первых сознательно прочитанных им книг (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 258).

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

«Я видал твои слезы...»; «Душа моя печальна». — Автографы: ГМТ, 981, л. 44—44 об. Датируются предположительно: бумага, чернила, почерк — те же, что и в автографах стихов, датированных 1886 г. (там же, л. 45). Перевод стихотворений из цикла «Еврейские мелодии» («Hebrew Melodies», 1814): «I saw the weep...» и «My soul is dark...» Первое из них (в переводе Д. Л. Михаловского) вошло в «Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов» (Ред. Н. В. Гербель, т. I. СПб., 1864, стр. 15). Перевод второго, выполненный Лермонтовым, был, вероятно, известен Бунину по сборнику «Английские поэты в биографиях и образцах».

ТОМАС МУР

«Из поэмы «Лалла-Рук»». — Стихотворения 1887—1891, стр. 63—64; под названием «Из сказки „Солнце гарема“». Датируется по публикации в указанном сборнике. «Солнце гарема» («The Light of the Harems») — третья часть поэмы Томаса Мура «Лалла-Рук». Бунин перевел ее начало, при этом он изменил размер оригинала, ввел собственную строфику и систему рифм. Не стремясь к точной передаче содержания, он создал не столько перевод, сколько самостоятельное произведение на мотив поэмы Томаса Мура. Этот же отрывок в переводе неизвестного автора вошел в сборник «Английские поэты в биографиях и образцах». Был известен Бунину также и перевод второй части поэмы («Рай и пери»), выполненный В. А. Жуковским, сочинения которого он прочел уже в ранней юности (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 259).

ФЕЛИЦИЯ ГИМЕНС

«Убаюкай меня, дорогая моя...» — Стихотворения 1887—1891, стр. 62; под названием «Из Фелиции Гименс». Воспроизведено: «Памир», 1969, № 3. Вольный перевод стихотворения «Mother, oh sing me to rest...» («Poems of Felicia Hemans». London and Edinburgh, 1878).

Фелиция Гименс (1793—1835) — известная английская поэтесса, автор ряда стихотворных сборников, поэм и драматических произведений. С ее поэзией Бунин мог познакомиться по сборнику «Английские поэты в биографиях и образцах», где в числе других произведений Гименс было напечатано (без указания имени переводчика) и это стихотворение.

ТОМАС ГУД

Песня работника. — «Мир божий», 1894, № 11, стр. 36—37. Автограф (первые 30 строк): ГМТ, 981, л. 20 (помета — «Мир божий, 94 год»; разночтения в стр. 5, 6, 11 и 12, корректирующие неточности печатного текста). Печатается по тексту «Мира божьего» с исправлениями по автографу. Датируется по письму А. А. Давыдовой Бунину от 6 ноября 1893 г. (см. ниже). Перевод стихотворения Томаса Гуда (Thomas Hood. The Lay of the Labourer, 1844).

С жизнью и поэзией автора «Песни работника» Бунин впервые познакомился по изданию Н. В. Гербеля «Английские поэты в биографиях и образцах» (СПб., 1875) — здесь были напечатаны его «Песня о рубашке», «Стансы», «У смертного одра», «Изгнание» (в анонимных переводах М. Л. Михайлова). Вполне возможно, что Бунин знал также статью Михайлова «Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд», где был напечатан прозаический перевод «Песни работника» и излагалась история ее создания: написанная под впечатлением суда над восемнадцатилетним безработным Уайтом Гиффордом, который был приговорен к пожизненной ссылке только за то, что требовал работы у фермеров и угрожал, в случае отказа, «сжечь их ночью в постели», «Песня работника» отразила «беспокойство всего общества» и «служила делу освобождения» («Современник», 1861, № 8, стр. 377—378).

Публикация бунинского перевода встретила значительные затруднения, видимо, цензурного порядка. Осенью 1893 г. Бунин отправил его в «Мир божий». 6 ноября издательница журнала А. А. Давыдова отвечала ему: «„Песню работника“ — думаю пустить в январе. Очень хорош перевод» (ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 97, л. 1—1 об.). Однако в январском номере «Песня» не появилась, и 25 марта 1894 г. Давыдова выражала сомнение в том, что сможет ее вообще напечатать: «... боюсь я, что „Песня работника“ Томаса Гуда не пройдет у нас! Если пройдет — отлично, а нет, так я передам ее в „Русское богатство“» (там же, л. 4). После этого прошло еще полгода, прежде чем перевод Бунина увидел свет.

С ИТАЛЬЯНСКОГО

АДА НЕГРИ

«О, умчи меня ввысь, в беспредельный простор...» — «Южное обозрение», 1900, № 1081, 5 марта. Впервые: «Север, 1897, № 8 (с разночтениями в строке 4); затем: «Южное обозрение», 1899, № 779, 9 апреля. Воспроизведено: «Памир», 1969, № 3 (по первой публикации).

Перевод стихотворения «Oh, portami lassù, lassù fra i monti ...» из сборника: «Fatalità», Milano, 1892.

«Fatalità» — первый сборник стихов Ады Негри — выдержал в течение пяти лет (1892—1896) пять изданий; второй ее сборник — «Tempesta» (1896) имел немалый успех. О своем отношении к творчеству этой поэтессы Бунин писал С. Н. Кашкиной 6 ноября 1896 г.: «От А. Негри я давно в восторге. Удивительная натура! Все самообычно, свежо, мощно, обвеяно дыханием истинной и высокой, целомудренной поэзии. „Fatalità“ у меня нет, — к сожалению, есть только „Tempesta“, и то сейчас не под руками. Имя я ее давно знал, но познакомился с ее произведениями настоящим образом только нынче летом, в Одессе, где купил „Tempesta“, а „Fatalità“ взял у знакомых и с ними же (я не знаю итальянского языка) прочел оба томик. Я жил тогда верстах в 20 от Одессы, у самого моря, и это море, и дивные стихи совсем очаровали меня... Как я рад, что вы тоже узнали и любите их... Но перевести у меня не было времени (я был занят „Песней о Гайавате“ Лонгфелло) и смелости. Не все я могу переводить у Негри — подбавлю своего настроения, да и незнание итальянского языка. Стихотворений 50 перевел мой приятель А. М. Федоров. Теперь я уже не хочу становиться у него на дороге. Он тоже не знает итальянского языка, но книжка его переводов должна иметь успех... От всей души говорю вам, что мне так хотелось бы сделать вам приятное, что я, должно быть, спрошу — не будет ли он в претензии, если я переведу некоторые стихотворения. Попробую. Но опять беда. Теперь я еще пуще занят» («Русская литература», 1963, № 2, стр. 179).

Публикуемое стихотворение — единственный известный перевод Бунина из Ады Негри. Вероятно, он был сделан сразу же по получении письма от С. Н. Кашкиной, в котором она просила его заняться переводами стихов итальянской поэтессы: «...тогда же попытался перевести одно стихотворение. Вышло неважно (да и вы не написали ни кусочка подлинника этого стихотворения, ни формы), но все-таки шлю» (там же, стр. 178).

Переводы А. М. Федорова, о которых Бунин пишет Кашкиной, вошли в сб.: А. Ф е д о р о в. Стихотворения. СПб., 1898 (всего пять стихотворений, в их числе перевод «Oh, portami lassù...»).

С НЕМЕЦКОГО

Публикуемые переводы впервые вводят немецкую поэзию в круг интересов Бунина-переводчика.

Мир немецкой классической поэзии был открыт им еще в годы ранней юности: Шиллер, Гете и Гейне стоят в ряду тех писателей, чье влияние оставило глубокий отпечаток в истории духовного развития героя «Жизни Арсеньева», а следовательно, и самого Бунина (см. Собр. соч. 1965—1967, т. 6, стр. 114—117); к этому же времени (1886—1889 гг.) относится и его работа над переводами из этих поэтов. Здесь, так же как и в первых своих обращениях к английской поэзии, Бунин выбирает стихи, известные ему по трудам прославленных русских переводчиков (ср. выше, стр. 220).

«Лесной царь» («Der Erlkönig») Гете в переводе Жуковского к этому времени был ему безусловно знаком как по сочинениям самого Жуковского, так и по «Собранию сочинений Гете в переводах русских писателей. Изд. под ред. Н. В. Гербеля» (т. 1. СПб., 1878). Стихотворения Шиллера, которого Бунин впоследствии назвал в числе писателей, оказавших на него в юности особенно большое влияние (см. Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 526), он должен был знать по аналогичному изданию Гербеля («Полное собрание сочинений Шиллера...», т. 1. СПб., 1875), неоднократно переиздававшемуся. «Альпийский охотник» («Der Alpenjäger») напечатан был там в переводе Л. Мея, а «Начало

нового века» («Der Antritt des neuen Jahrhunderts») — в переводах В. Курочкина и А. Глинки. Последнее стихотворение, точнее его заключительные строки, были глубоко созвучны настроениям юного Бунина — в 1891 г. он записал их на обороте своей фотографии (см. настоящ. кн., стр. 289).

Над переводами из Гете и Шиллера, судя по их положению в тетради 1886 г. (л. 20—21 об., 23—25 об.), Бунин работал почти одновременно. Стихотворение из Гейне, обращенное к сестре («Mein Kind, wir waren Kinder...» из цикла «Heimkehr» — «Возвращение на родину»), по-видимому, привлекло его внимание позднее, зимой 1888—1889 гг. В то время оно могло отвечать собственным переживаниям Бунина — с отъездом старшего брата из Озёрок возобновилась его дружба с сестрой, и в этих «новых отношениях» был по его признанию «какой-то чудесный возврат к нашей дальней детской близости» (Собр. соч. 1965—1967, т. 6, стр. 155). Этот свой перевод Бунин мог сопоставить с переводом Фета в его сб. «Вечерние огни». СПб., 1883.

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

Альпийский охотник. — Автограф: ГМТ, тетрадь 1886 г., л. 20—21 об.
Начало нового века. — Автограф: ГМТ, тетрадь 1886 г., л. 24 об. — 25 об. Датируются по положению в тетради 1886 г.

¹ Подразумеваются войны, которые в начале XIX в. велись в Европе, в Африке и на море между Францией и коалицией европейских государств во главе с Англией.

² *Бренн* — вождь галлов, завоевавших Рим (V в. н. э.). Когда его воины взвешивали дань, принесенную римлянами, он бросил свой меч на весы, воскликнув: «Горе побежденным!»

ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

Лесной царь. — Автограф: ГМТ, тетрадь 1886 г., л. 23—23 об. Датируется по положению в тетради 1886 г.

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Детство. — «Родина», 1889, 30 апреля, № 18. Датируется по времени первой публикации и по обстоятельствам биографии Бунина.

С ПЕРСИДСКОГО

СААДИ

Впервые Бунин познакомился с творчеством Саади в начале 1890-х годов, когда один из московских букинистов подарил ему перевод «Гулистана» (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 277—278). С тех пор «он высоко ценил этого поэта, мудреца и путешественника, „усладительнейшего из писателей“, книги которого неизменно сопровождали его во всех путешествиях на Ближний Восток» («Жизнь Бунина», стр. 146; см. также настоящ. кн., стр. 191). Афоризмы Саади Бунин нередко цитировал в своих произведениях, вставлял в дарственные надписи, вписывал в альбомы друзей (Собр. соч. 1965—1967, т. 3, стр. 200, 314, 315, 333 и т. 9, стр. 234, 268).

Не владея языком оригинала, Бунин знал поэзию Саади только по переводам. Точно установить источники, которыми он пользовался, невозможно. В XIX в. Саади переводился на многие европейские языки — существует ряд английских, немецких, французских и русских переводов, сделанных в прозе. Вероятно, в распоряжении Бунина было одно из наиболее распространенных английских или французских изданий поэмы «Бустан» (H. Wilderforce Clarke. «The Bustan by shaiikh Muslih-D-Din Sa'adi Shirazi», transl. for the first time into prose. L., 1879; G.-S. Davie. The Garden of fragrance, being a complete translation of the Bostan of Sadi. L., 1883; A.-C. Barbier de Meynard. Le Boustan ou Verger. P., 1880; на русский язык «Бустан» до 1935 г. не переводился). Другая поэма Саади — «Гулистан» — могла быть ему известна в одном из трех русских прозаических переводов, выполненных в 1850—1880-х годах («Розовый кустарник шейха Муслехеддина Саади пиразского, славный под названием Гулистан». Пер. с перс. О. Назарианца. М., 1857; «Гюлистан, сочинение Саади, перевод с персидского К. Ламборса». Одесса, 1862; «Гулистан. С персидского подлинника перевел И. Холмогоров». М., 1882). Все эти переводы не давали представления ни о метрическом строе, ни об особенностях звучания поэзии Саади.

Публикуемые стихотворения — вольные переводы фрагментов из обеих упомянутых поэм Саади — написаны во время пребывания Бунина на Ближнем Востоке — в Сирии (1907 г.) и в Турции (1913 г.). Стихотворная форма, избранная им, в известной степени

произвольна, а само содержание его переводов не всегда точно отвечает содержанию оригинала: в одних случаях притчи, составляющие содержание поэм Саади, значительно сокращены, в других — сюжет их несколько изменен и расширен, в третьих — Бунин ограничивается переводом завершающего притчу Саади афоризма, опуская содержание самой притчи.

Из «Буста́на». — Газ. «Женское дело», М., 1912, № 19, 1 октября; оба фрагмента напечатаны здесь как единое целое под общим заглавием «Череп. Из „Буста́на“ Саади». Воспроизведено: «Памир», 1969, № 3 (с сохранением неверной композиции первой публикации).

Вольный перевод двух фрагментов из поэмы «Бустан»: первый — притча «Отшельник и череп» (из гл. I — «О справедливости и правилах мировластия»), второй — отрывок из притчи, не имеющей названия (из гл. VI — «О воздержанности и довольстве судьбой»). Ср.: Шейх-Муслих-эд-Дин Са'ди. Бустан. М., 1935, стр. 40, 154. Вероятно, поводом обращения Бунина к сюжетам из «Буста́на» послужила его поездка в Дамаск — город, где в середине XIII в. Саади писал эту поэму.

Приблизительно в одно время с Буниным сделал перевод «Черепа» А. М. Федоров («Мотив Саади» — А. Федоров. Стихи, б.м., 1908, стр. 176).

Персидская мудрость. — «Русское слово», 1913, № 224, 29 сентября.

Вольный перевод фрагментов из поэм Саади «Гулистан» и «Бустан». Фрагменты <1> и <4> находят соответствие в первой главе «Гулистана» («О жизни царей»), фрагмент <3> — в четвертой («О пользе молчания»), фрагменты <2>, <7>, <8> и <9> — в восьмой («О правилах общения»), фрагменты <5> и <6> соответствуют эпизодам из VIII главы «Буста́на» («О благодарности за благополучие»). Ср.: Са'ди. Гулистан. М., 1959, стр. 81, 95, 148, 198, 200, 202, 215; Шейх-Муслих-эд-Дин Са'ди. Бустан. М., 1935, стр. 337).

Из этого цикла Бунин перепечатал впоследствии только заключительный фрагмент (Собр. соч. 1965—1967, т. 1, стр. 357).

С ПОЛЬСКОГО

Вспоминая годы, проведенные в Полтаве, Бунин говорил о своих литературных интересах той поры: «... К этому времени относится и мое увлечение [...] некоторыми вещами Мицкевича, особенно его „Крымскими сонетами“, балладами, страницами из „Пана Тадеуша“: ради Мицкевича я даже учился по-польски» (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 261). Тогда же был сделан перевод стихотворения Мицкевича «Новый год».

Обращение к творчеству польского поэта не было временным увлечением. Слуга десятилетия, Бунин опубликовал переводы трех его «Крымских сонетов» (1901—1902), которые впоследствии неизменно включал в свои поэтические сборники и собрания сочинений (Собр. соч. 1965—1967, т. 8, стр. 387—388). Им предшествовали переводы из А. Асыка, работа над сонетами которого была первым обращением Бунина к этой поэтической форме (там же, стр. 388—392).

АДАМ МИЦКЕВИЧ

«На Новый год». — «Орловский вестник», 1892, № 125, 14 мая.

Автограф: ГБЛ, ф. 429.1.2, л. 2—3 об. (в тетради с авторской датой «1892» на обложке); без разночтений с печатным текстом.

Датируется по автографу и публикации в «Орловском вестнике». Стихотворение «Nowy Rok» («Новый год») Мицкевич написал в келье Виленского монастыря Базилианов, куда был заключен осенью 1823 г., вместе с другими участниками польских тайных обществ филематов и филаретов. Это единственное стихотворение, созданное им за полгода тюремного заключения; на его автографе сохранилась авторская помета: «Писал в тюрьме, 1823 года, в последний день». Замысел «Нового года» навеян эпизодом из повести Ж. - П. Рихтера «Siebentkäs», героиня которой размышляет над тем, чего она ждет от наступающего года (отсюда подзаголовок: «Mysl z Jean Paul Richtera» — «Мотив из Жан Поля Рихтера»).

На стихотворении лежит отпечаток обстоятельств, в которых оно возникло: автор знаменитых «Песен филаретов» и революционной «Оды к молодости», Мицкевич испытывает разочарование в идеалах своих друзей с их отвлеченным преклонением перед наукой и «добродетелью», с их либерально-реформаторскими устремлениями. Поэт чувствует, что перед ним стоят иные задачи, связанные с национально-освободительными целями, уже ранее заявленными им в «Дзядях» и «Гражине», но об этом, в условиях политического следствия, Мицкевич не мог говорить.

Композиция стихотворения, решенная в форме вопросов и ответов, подчеркивает основной его мотив — отказ от былых увлечений. Но этот отказ от прошлого не означает измену ему — Мицкевич остается верен прежней любви к людям, стремлению помочь им, хотя и будет «вдали» от них. Мысли о неизвестном будущем, о могильном уеди-

нении, вплетающиеся в его раздумья, не были чисто условным поэтическим образом — их подсказали реальные обстоятельства, в которых находился поэт.

Стиль стихотворения Мицкевича определяется сочетанием романтических чувств героя (мечтательность, разочарованность, одиночество) с образами и мотивами классической и просветительской поэзии (влияние классицизма проявляется в сравнениях: рождение Нового года сопоставляется с Фениксом, братство друзей — с образом дерева Армиды из поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим», дружба олицетворен в образе богини — «дочери воображения» и т. п.).

Перевод Бунина значительно изменяет смысловую интонацию стихотворения Мицкевича, ее стилистическое выражение. Бунин подчеркивает и усиливает романтически мотивы, сознательно затушевывая классицистические и просветительские. Он вводит в свой перевод новые образы, почерпнутые из поэтики романтизма, усиливающие общую романтическую настроенность прощания с былым. Так, например, у Мицкевича:

Chorowałem, marzyłem, latałem i spadam;
Marzyłem boską różę, bliski jej zerwania.
Zbudziłem się, sen zniknął, róży nie posiadam,
Kolce w piersiach zostały, — nie żądam kochania. —

(Я болел, мечтал, уносился и падал;
Мечтал о божественной розе, готовый ее сорвать,
Проснулся, сон исчез, розы нет,
В груди пины остались, — не надо любви.)

У Бунина:

Я жил, любил, мечтами увлекался,
Далеко от земли меня мой сон унес,
На розы райские во сне я любовался,
Но лишь пины достались мне от роз...
И больно мне, и сон мой миновался...
Нет, не хочу любви и не хочу я грез!

Помимо романтических образов и оборотов («Далеко от земли меня мой сон унес», «Нет, не хочу любви и не хочу я грез!») Бунин вводит многооточия и восклицания, подчеркивающие эмоциональность стиха, что также соответствует духу поэтики романтизма. Все это повлекло за собой изменение строфики — четырехстрочная строфа Мицкевича превращается в бунинском переводе в шестистрочную.

Вместе с тем просветительские мотивы, рожденные недавними политическими идеалами Мицкевича, Бунину были совершенно чужды, поэтому он опускает строки, с ними связанные, объединяя две строфы оригинала (пятую и шестую) в одну. Стремится он освободить свой перевод и от классицистических образов (так, образ дерева Армиды, очень важный для Мицкевича, у него отсутствует).

Заключительная строка стихотворения Мицкевича выражает позицию поэта, его стремление —

Любить мир, содействовать миру, вдали от людей.

Бунин дает ей свою интерпретацию:

Любить весь мир, всю красоту природы.

Он опускает характерную для Мицкевича мысль о стремлении «содействовать миру» («sprzyjać światu») и вводит собственный мотив «красоты природы», которого у Мицкевича нет. Такая интерпретация отвечает общему духу ранней поэзии Бунина, одним из самых ярких мотивов которой было преклонение перед немеркнувшей красотой природы.

Итак, вольный перевод Бунина последовательно выдерживается в романтическом стиле его собственной юношеской лирики. Сохраняя основные мотивы стихотворения Мицкевича, Бунин, однако, дает им иную идейно-смысловую интерпретацию. Отсюда — изменения строфики, интонации и всей системы образов его перевода, который можно скорее трактовать как самостоятельное произведение на мотив Мицкевича, чем как перевод в полном смысле этого слова. Так рассматривал его и сам Бунин, о чем свидетельствует подзаголовок, который он дал этому стихотворению.

АДАМ АСНЫК

«Безмолвно мы простились с тобою...» — Иван Бунин. Листопад. М., 1901, стр. 117 (под заглавием «Из А. Асныка»). Впервые: «Вестник Европы», 1894, № 6. Воспроизведено: Собр. соч. 1965—1967, т. 8, стр. 390 (по первой публикации).

Бунин дважды обращался к работе над этим переводом, вторая редакция которого значительно отличается от первой. Жертвуя буквальным совпадением с текстом оригинала, к которому он стремился первоначально, Бунин добивается точности в передаче самого поэтического образа и мысли сонета Асныка. Что же касается метрики стиха, перевод в обоих случаях отстает от оригинала: в первой редакции Бунин заменяет одиннадцатисложный стих Асныка двенадцатисложным, во второй — десятисложным, и в обоих случаях женскую рифму — мужской.

С ТАТАРСКОГО

«Из песен казанских татар». — Стихотворения 1887—1891, стр. 65—66. Воспроизведено: «Памир», 1969, № 3.

Источник этих стихов неизвестен — ни в литературе о Бунине, ни в его собственных высказываниях нет сведений о знакомстве его с татарским фольклором. Однако несомненно, что это перевод подлинных татарских народных песен. Об этом свидетельствует и содержание, и композиционно-стилистическое построение, и выразительные средства в духе устоявшейся фольклорной песенной поэтики: традиционный параллелизм поэтической строфы, специфически-песенные повторы, народная символика, риторический вопрос как традиционный элемент конструкции песенного двуступия, употребление сочетания «моя беленькая девушка» («ашпак», «ашпагым», т. е. «беленькая», «беляночка» — один из постоянных эпитетов в татарской народной поэзии). Характерно и упоминание такой чисто национальной детали, как воротник и края девичьего камзола, отделанные золотым или серебряным шитьем («укалы яка», «укалы итэк» — в переводе «позумент»).

Песен, буквально соответствующих переводу Бунина, обнаружить не удалось. Однако существует ряд народных песен-четверостиший, очень ему близких. Одни почти идентичны ему, другие представляют собой варианты переведенных песен. Следует отметить, что татарские народные песни часто импровизируются певцами в самом процессе исполнения, при этом происходит контаминация их, перестановка песенных компонентов, однако все они варьируются в пределах очень устойчивой фольклорной песенной поэтики. Возможно, что одну из таких импровизаций Бунину удалось услышать, причем певец смог передать ему содержание песен и на русском языке.

Перевод Бунина сделан мастерски, с сохранением всех национальных особенностей песен казанских татар (единственное отступление — разбивка строф: у Бунина восьмистишия, тогда как короткие татарские песни традиционно четырехстрочны). Естественные при переводе отступления от текста оригинала не разрушают общего духа, поэтического настроения и прелести песенного образа.

С УКРАИНСКОГО

В. ЧАЙЧЕНКО

«В оет буря, хлещут волны...» — Ив. А. Бунин. Под открытым небом. Стихотворения. Изд. «Детское чтение». М., 1898, стр. 40; под названием «Из В. Чайченко».

Перевод стихотворения «Вітер віє, плеще хвиля...» из сборника Б. Д. Гринченко «Пісні та думи». Книжка перша. Чернигов, 1895, стр. 46 (то же: В. Чайченко. Під хмарним небом. Вірши. Львов, 1893, стр. 84).

Датируется по письму Бунина Б. Д. Гринченко 16 февраля 1896 г. (см. ниже).

Василь Чайченко — псевдоним известного украинского писателя-демократа и общественного деятеля Бориса Дмитриевича Гринченко (1863—1910), творчеством которого Бунин заинтересовался в начале 1890-х годов: книги Гринченко он предполагал распространять через свой книжный магазин в Полтаве (И. Д. Бажинов. Письма И. А. Бунина Б. Д. Гринченко. — «Радянське літературознавство», 1957, № 4, стр. 134).

В начале 1896 г. Бунин задумал сделать несколько переводов из только что изданного сборника стихов Гринченко («Пісні та думи»). 16 февраля 1896 г. он писал ему: «Мне очень давно хотелось познакомиться с вами хотя письменно. Решаюсь на это теперь и, поверьте, — в силу искреннего интереса к вашему дарованию. Был бы очень рад, если бы вы прислали мне вашу последнюю книгу стихотворений. Она уже есть у меня (я хочу напечатать из нее несколько переводов — разрешите?), но мне было бы приятно получить и лично от вас...» (там же, стр. 134). К письму прилагалась газетная вырезка (рассказ «На край света») с дарственной надписью Бунина. Посылая ее, Бунин просит извинить возможные промахи, допущенные в рассказе: «Знаю и люблю Украину пока настолько, насколько мог узнать и полюбить коренной орловец» (там же, стр. 134).

Экземпляр сборника «Под открытым небом» Бунин послал Гринченко с надписью: «Борису Дмитриевичу Гринченко в знак искреннего уважения от Ив. Бунина» (там же, стр. 132).

С ФРАНЦУЗСКОГО

Среди французских поэтов, привлекавших внимание Бунина-переводчика, первое место занимает глава парнасской школы Шарль Леконт де Лиль, шесть стихотворений которого Бунин перевел в разное время, главным образом, в 1890-е годы. Три из них вошли в Собр. соч. 1965—1967 (т. 8, стр. 383—385), остальные печатаются ниже. Реминисценции из произведений Леконт де Лили звучат и в прозе Бунина: в рассказе «Без роду-племени» цитируются строки из стихотворения «Смерть солнца», а последней терциной из стихотворения «Усопшему поэту» Бунин закончил свои воспоминания о Чехове в их первоначальной редакции (Собр. соч. 1915, т. 6, стр. 302).

Другой поэт парнасской школы, к которому обращался Бунин, — Поль Бурже. Три стихотворения, публикуемые в настоящей книге, впервые вводят его имя в круг авторов, переводившихся Буниным.

Современная критика отмечала «тяготение» Бунина к поэтике парнасской школы, указывая вместе с тем на принципиальное отличие его поэзии от лирики парнасцев: «От большинства стихотворений Ив. Бунина, посвященных путешествиям, Востоку, его пестрым краскам, берегам Азии, Атланту, веет парнасским холодом»; однако «за внешней видимостью скрывается иное содержание (...) Бунин — парнасец на чужбине и стыдящийся своей нежной любви поэт — на родине», — писал В. Львов-Рогачевский в статье «Поэма запустения (И. А. Бунин)» — «Современный мир», 1910, № 1, отд. II, стр. 31—32. Бунин отнесся к этой оценке с большим вниманием, о чем свидетельствуют его пометы на вырезке со статьей Львова-Рогачевского (ГМТ).

АЛЬФОНС ЛАМАРТИН

У м и р а ю щ и й х р и с т и а н и н. — Автограф: ГМТ, тетрадь 1886 г., л. 8—8 об.

Перевод стихотворения «Le Chrétien mourant» из сборника Ламартина «Méditations poétiques» (см. «Oeuvres complètes de Lamartine», t. I, Paris, 1862, p. 239—240). Перевод отличается большой точностью.

ЩАРЛЬ ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

В о з м е з д и е. — Автограф: ИРЛИ, Р. 1, оп. 2, № 131. Воспроизведено: сб. «Мастера русского стихотворного перевода», кн. II, Л., 1968, стр. 155—156.

Перевод стихотворения «Le Talion» из сб.: *Leconte de Lisle. Poèmes tragiques*. Paris, 1884. Датируется предположительно по почерку.

А л б а т р о с. — «Полтавские губернские ведомости», 1895, № 117, 4 июня. Датируется по времени этой публикации. Перевод стихотворения «L'Albatros» из того же сборника.

Возможно, что с работой Бунина над этим переводом связан замысел «Праздника» (см. настоящ. кн., стр. 160—161).

У т р о. — «Одесские новости», 1912, № 8680, 25 марта. Впервые: «Курьер», 1901, № 228, 10 августа (с многочисленными разночтениями).

Дата «1894» проставлена Буниным на принадлежавшем ему экземпляре «Одесских новостей» (ГМТ).

Перевод стихотворения «Dans le ciel clair rayé par l'hirondelle alerte...» из того же сборника.

ПОЛЬ БУРЖЕ

<Э п и л о г.> — Стихотворения, 1887—1891, стр. 60—61; под названием: «На мотив П. Бурже». Впервые: «Наблюдатель», 1891, № 4, с разночтениями, под тем же названием. Датируется по первой публикации. Вольный перевод стихотворения «Epilogue» из сборника «Oeuvres de Paul Bourget. Poésies 1872—1876». Paris, s.d.

У С р е д и з е м н о г о м о р я. — «Южное обозрение», 1898, № 514, 1 июля. Автограф второго стихотворения этого цикла (первоначальная редакция): ГБЛ, ф. 429.1. 2, л. 3 об. — 4 (в тетради с авторской датой «1892»). Источник этого перевода установить не удалось.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

К о ш м а р. — «Полтавские губ. ведомости» (часть неофициальная), 1895, № 180, 20 августа, под тем же названием (подзаголовок — «С французского»).